

Т.Г. Казанцева*

T.G. Kazantseva*

**О вечности «ангелогласного
богодуховенного» пения: по
материалам полемического сборника
странников-статейников «Изумруд»**

**About the Eternity of “Angelic
God-inspired” Singing: Based on the
Materials of the Polemic Collection of
Old Believers Stranniky (Wanderers)
“Izumrud” (“Emerald”)**

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-2-12

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-2-12

УДК 783.2+(18+281.93)

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Казанцева Т.Г. О вечности «ангелогласного богодуховенного» пения: по материалам полемического сборника странников-статейников «Изумруд» // Исторический курьер. 2020. № 2 (10). С. 158–168. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-2-12.pdf>

Kazantseva T.G. About the Eternity of “Angelic God-inspired” Singing: Based on the Materials of the Polemic Collection of Old Believers Stranniky (Wanderers) “Izumrud” (“Emerald”) // Historical Courier, 2020, No. 2 (10), pp. 158–168. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-2-12.pdf>

Abstract. The article gives a reconstruction of the system of musical and aesthetic representations of one of the factions of the Russian Old Believers – Stranniky (wanderers). The reconstruction is based on the materials of the polemic collection “Emerald”, compiled by the fathers of this community in the 1910s. Articles devoted to questions of liturgical singing are available in volumes I and III of the collection. They do not constitute a coherent author’s text, but are collections of quotes from patristic, Church-Law, historical literature and fiction. The quotes are grouped according to different aspects of the theme of liturgical singing into verses and articles. A study of the content of these quotes made it possible to establish a clear position of Old Believers Stranniky mentors on liturgical singing. This position is manifested in the selectivity of quotations, the logic of their arrangement in chapters, in the wording of theses and titles of articles. This position is based on the theory of angelic singing, traditional for Orthodoxy, actualized in the writings of Dionysius the Areopagite. According to this theory, liturgical singing is a form of earthly reflection of the praise of the Lord by the ranks of the heavenly hierarchy. Angelic praise is primordial and eternal, and this is the guarantee of the eternity of human angelic singing. The compiler of the collection seeks to fit the liturgical tradition of his agreement into a common unbroken line in the history of Christian liturgical singing, the beginning of which was laid by Christ and the apostles. According to the concept formed on the basis of quotes, this singing finally took shape in the Byzantine Church, was brought to Russia through Greek singers and transmitted through the Solovetsky monks and inhabitants of the Vyg hermitage to Old Believers Stranniky who were proclaimed the only guardians of the angelic God-inspired singing in its pristine and undistorted form.

Keywords: Old Believers Stranniky (Wanderers); polemical collection “Izumrud” (“Emerald”); musical aesthetics; Orthodox Church; sources.

The article has been received by the editor on 04.02.2020.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье дается реконструкция системы музыкально-эстетических представлений одного из направлений русского старообрядчества – странников. Реконструкция осно-

* Казанцева Татьяна Генриховна, кандидат искусствоведения, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: kerzak2002@mail.ru

Kazantseva Tatyana G., Candidate of Art History, State Public Scientific-Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: kerzak2002@mail.ru

вана на материалах полемического сборника «Изумруд», составленного отцами согласия в 1910-е гг. Статьи, посвященные вопросам богослужебного пения, имеются в I и III томах сборника. Они не представляют собой связного авторского текста, а являются подборками цитат из святоотеческой, церковно-учительной, исторической литературы и беллетристики. Цитаты сгруппированы по разным аспектам темы богослужебного пения в стихи и статьи. Исследование содержания данных цитат позволило установить четкую позицию страннических наставников по вопросу литургического пения. Эта позиция проявляется в избирательности цитат, логике их расположения в главах, в формулировках тезисов и заглавий статей. Данная позиция базируется на традиционной для православия теории ангелогласного пения, заложенной в трудах Дионисия Ареопагита. Согласно данной теории литургическое пение есть форма земного отражения восхваления Господа чинами Небесной иерархии. Ангельское восхваление безначально и вечно, и это является залогом вечности человеческого ангелоподобного пения. Составитель сборника стремится вписать литургическую традицию своего согласия в общую непрерывающуюся линию истории христианского богослужебного пения, начало которому положено Христом и апостолами. Согласно формирующейся на основе цитат концепции, это пение окончательно сложилось в византийской Церкви, было привнесено на Русь через греческих певцов и передано через соловецких «остальцов» и насельников Выговской пустыни странникам, которые провозглашены единственными хранителями ангелогласного, богодухновенного пения в его первоизданном и неискаженном виде.

Ключевые слова: староверы-странники; полемический сборник «Изумруд»; музыкальная эстетика; православная Церковь; источники.

«Изумруд» – полемический сборник универсального содержания, отражающий мировоззренческие позиции истинно православных христиан странствующих по широкому кругу вопросов вероучения, истории Церкви, церковного закона, взаимоотношений с иными христианскими деноминациями и старообрядческими согласиями. По последним данным, сборник был составлен в нескольких томах, из которых Первый, изданный, предположительно, стеклографическим способом, наиболее широко распространен и неоднократно попадал в поле зрения исследователей¹. Два других тома доступны только на Интернет-ресурсах в виде электронного набора текста². Известны также время выхода первых двух томов³ и имя их составителя – отца Виталия Иванова.

Тема богослужебного пения затрагивается в Первом и Третьем томах «Изумруда» (главы 27, 93 и глава «О пении» соответственно). Помимо данных источников, нами привлечалась принадлежавшая странникам рукопись из собрания ИИ СО РАН (13/86), представляющая собой краткие выписки из вышеназванных изданий.

Материалы «Изумрудов» и сборника 13/86 являются важнейшими и на сегодняшний день единственными источниками для реконструкции музыкально-эстетических воззрений староверов-странников по вопросам богослужебного пения. Речь идет именно о реконструкции: как отмечалось в предшествующих публикациях, «Изумруды» не являются связным авторским текстом, а представляют собой подборки цитат, сгруппированных по темам (*главы*), аспектам той или иной темы (*статьи*), конкретным тезисам (*стихи и числа*)⁴.

¹ Известны экземпляры: ИИ СО РАН, № 2/98-г; ГПНТБ СО РАН, ФК.1.181; ЛАИ УрФУ, № 366р/5343. В научный оборот Первый том «Изумруда» введен А.И. Мальцевым: Мальцев А.И. Проблемы изучения старообрядческих сборников постоянного состава «Изумруд» и «Свет» // Культурное наследие средневековой Руси в традициях урало-сибирского старообрядчества: мат-лы Всерос. науч. конф. Новосибирск, 1999. С. 160–167.

² Изумруд. Т. 2. URL: <http://starajavera.narod.ru/IZUMRUD2tom2.html>; Изумруд. Т. 3. URL: <http://starajavera.narod.ru/IZUMRUD3.html> (дата обращения: 05.02.2020). Первоисточник публикации не установлен. В последнее время на том же портале начато размещение текста «условно» четвертого тома.

³ Изумруд. [Б. м.], 1915, [Т. 1]; Изумруд. [Б. м.], 1918, Т. 2.

⁴ Подробнее о структуре и содержании «Изумрудов» см.: Казанцева Т.Г. Материалы к изучению музыкально-эстетических представлений староверов-странников // Исторический курьер. 2019. № 2 (4). Статья 9. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-2-09.pdf>.

Реконструкция в свою очередь сопряжена с формированием богословско-эстетического контекста, благодаря которому разрозненные тезисы и цитаты могут быть связаны воедино как элементы, органично входящие в целостную систему представлений.

Отправной точкой в процессе формирования данного контекста является положение о наследовании старообрядцами (в частности странниками) древнерусской концепции *ангелогласного пения*, воспринятой из Византии «иконически», вместе с самой системой богослужебного пения. Истоки данной концепции, как известно, находятся в мистическом богословии автора *Ареопагитик*⁵, в свою очередь восходящем через системы византийских богословов «классического периода» (Василия Великого, Григория Нисского, Григория Назианзина, Афанасия Александрийского) к раннехристианским мыслителям и апологетам (Клименту Александрийскому и Плотину), а от них к Платоновскому учению об *эйдосах*. Важнейшей категорией в данной концепции стало понятие *образа*, наиболее полно разработанное в трудах Василия Великого и, позднее, Иоанна Дамаскина. Согласно данной концепции, богослужебное пение есть ни что иное как образ пения ангелов, архангелов, херувимов и серафимов, вечно возносящих хвалу Господу.

В трактате Дионисия *Ареопагита* «О небесной иерархии» о пении говорится лишь дважды (в главе 7 и 13)⁶, но в совершенно определенном контексте. Так, повествуя о видении Пророком Исайей святых Серафимов, «священное название которых означает огненное начало»⁷, он пишет, что Пророк от созерцания внешнего их облика восходил к познанию невидимого, «и ему открывалась многосторонняя и многоликая сила высочайших умов, и их священное благоговение, которое им надмирно свойственно при самонадеянном, дерзновенном и недостижимом исследовании высочайшего и глубочайшего, и непрестанное и высоко воспаряющее вечное движение, соразмерное их богоподражательным действиям (энергиям). Но и в это богоначальное и многочтимое песнопение он был посвящаем, когда созидающий видение ангел в меру сил передавал богослову свое священное знание»⁸.

В контексте этой цитаты становится очевидным значение «богоначального песнопения», которое Пророк Исайя воспринял от ангела: богослужебное пение есть символ ангельского пения, «священная завеса» для «ангельского пения» – бесплотного «богоподражательного действия», энергии, «воспаряющего вечного движения» чинов небесной иерархии. Как любой сакральный символ оно призвано осуществлять коммуникацию между царствами Небесным и земным. Ангелы, согласно Дионисию *Ареопагиту*, причастные к Божественному Порядку, излучают Божественный Свет, приобщая к нему земные обитатели. Недоступное физическому восприятию ангельское «пение» постигается иным, духовным каналом восприятия. Пение церковного хора уподобляется ангельскому, и таким образом достигается Божественная гармония, к чему устремлены души участников литургического действия.

Не позднее XIV в. сочинения Дионисия *Ареопагита* в рукописях стали известны на Руси. Однако, учитывая особенности восприятия Древней Русью византийской христианской культуры, литературы и богословской традиции, концепция «ангелогласного пения» не была здесь сформулирована в виде теории, как не были переведены и собственно византийские музыкально-эстетические трактаты. Концепция ангелоподобного пения, наряду с другими, была воспринята как религиозный догмат, а само пение – как иконический образ, выраженный в строгой каноничности самих принципов его организации⁹.

⁵ По преобладающему мнению исследователей, корпус «Ареопагитик» был создан в V в. неизвестным автором, использовавшим имя ученика апостола Павла Дионисия *Ареопагита*.

⁶ *Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии*. Тексты, пер. с древнегреч. СПб.: Глаголь, РХГИ, Университетская книга, 1997. С. 73–77, 121–127. Тема передачи «земнородным» гимнов небесной иерархии обсуждалась византийским мыслителем в недошедшем до нас сочинении «О Божественных гимнах», упоминаемом автором в трактате «О небесной иерархии». См.: *Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии...* С. 77.

⁷ *Дионисий Ареопагит. Сочинения...* С. 123.

⁸ Там же. С. 123–125.

⁹ Проблема древнерусской музыкальной эстетики неоднократно освещалась в музыковедческой литературе: *Владышевская Т.Ф.* Богодухновенное, ангелогласное пение в системе средневековой музыкальной культуры

Как отмечает Т.Ф. Владышевская, основополагающее понятие византийской эстетики – «ангелогласное пение» – было введено Феодосием Печерским, принесшим из Византии на Русь монастырскую традицию¹⁰. Одно из первых упоминаний этого понятия встречается в «Слове о законе и благодати» митрополита Иллариона (середина XI в.). В Слове Кирилла Туровского (XII в.) «О снятии тела Христова с Креста» идея уподобления земного пения Небесному формулируется устами Иосифа Аримафейского: «Кыя ли надгробныя песни исходу Твоему воспою, Ему же в вышних немолчными гласы серафимы поют»¹¹. Эта же идея многократно проявлена в житийной и патериковой литературе и особенно отчетливо – в самой православной гимнографии¹².

В более поздний период, в преддверии Нового времени, данная концепция была актуализирована через обращение к другому пласту византийской религиозной литературы – учительной: толкованиям и гомилиям, проповедям и поучениям Иоанна Златоуста и других Отцов Церкви. В них идея «ангелогласного пения», выступая как подразумеваемая данность, комментируется и конкретизируется для широкого круга адептов.

По-видимому, именно этот пласт святоотеческой литературы лег в основу литургической эстетики одного из ярчайших представителей русской религиозной мысли рубежа XV–XVI вв. Иосифа Волоцкого. Подчеркивая в одном из Слов своего «Просветителя» особое для христианина значение соборной молитвы и храмового действия, он в частности писал: «Помолиться дома возможно – но помолиться так, как в церкви, где множество отцов, где единодушно воссылается к Богу пение, где единомыслие, и согласие, и союз любви, – невозможно. В это время, о возлюбленный, не только люди вопиют трепетным гласом, но и ангелы припадают к Владыке, и архангелы молятся <...> Для того здесь и священники предстоят, чтобы молитвы народные, будучи немощными, соединившись с их молитвами, более сильными, взошли вместе с ними на Небо <...> Горé славословят воинства ангельские, а долу в церкви – люди воспевают. Горé серафимы вопиют трисвятую песнь, а долу ту же песнь множество людей воссылают. Общее торжество для небесных и земных, единое благодарение, единое радование, единое веселие! И соделало это неизглаголанное схождение Владычне! Дух Святой устроил это! По Отческому благоволению устроилось такое молитвенное соединение, голоса уставились благочинно свыше, от Святой Троицы, словно неким инструментом направленные!»¹³ В приведенных словах Иосифа Волоцкого по сути полностью изложена концепция ангелогласия мистического богословия «Ареопагитик».

На тот же тип комментирующих источников опирались авторы ранних собственно музыкально-эстетических трактатов Нового времени, первым из которых является 16-я глава «Книги о вере», изданной на московском Печатном дворе в 1648 г.

Составитель страннического «Изумруда» работает в русле той же традиции. Обращает на себя внимание тот факт, что тема «ангелогласного пения» как самостоятельная в данном

(эволюция идеи) // Механизмы культуры. М., 1990. С. 116–136; Владышевская Т.Ф. Византийская музыкальная эстетика и ее влияние на певческую культуру Древней Руси // Византия и Русь (памяти Веры Дмитриевны Лихачевой, 1937–1981). М., 1989. С. 145–159; Владышевская Т.Ф. Музыкальная культура Древней Руси. М., 2006. С. 169–183; Серегина Н.С. Музыкальная эстетика Древней Руси (по памятникам философской мысли) // Вопросы теории и эстетики музыки. Л., 1974. Вып. 13. С. 58–78; Белоненко А.С. К вопросу о типологии русской мысли XI – начала XV в. о певческом искусстве // Музыкальная культура Средневековья. М., 1991. Вып. 2. С. 112–115; Бычков В.В. Некоторые проблемы музыкальной эстетики в ранней патристике // Музыкальная культура Средневековья. М., 1991. Вып. 2. С. 110–112; Бычков В.В. Русская средневековая эстетика. Изд. 2-е. М., 1995; Лозовая И. Е. Церковно-певческое искусство // Художественно-эстетическая культура Древней Руси XI–XVII вв. / под ред. В.В. Быčkova. М., 1996. С. 267–299; Мартынов В.И. О различении понятий богослужебного пения и музыки в Священном Писании // Методы изучения старинной музыки. М., 1992. С. 3–14; Мартынов В.И. Культура, иконосфера и богослужебное пение Московской Руси. М., 2000.

¹⁰ Владышевская Т.Ф. Византийская музыкальная эстетика... С. 149.

¹¹ Приводится по: Лозовая И.Е. Церковно-певческое искусство... С. 286.

¹² См. об этом подробнее: Владышевская Т.Ф. Византийская музыкальная эстетика...

¹³ [Иосиф Волоцкий, преподобный]. Просветитель, или обличение ереси жидовствующих. Творение преподобного отца нашего Иосифа игумена Волоцкого. М., 2008. С. 152.

полемиическом сборнике специально не обсуждается, но она является стержневой, проходящей через все главы и объединяющей все затрагиваемые аспекты. Ключевой в этом отношении является известная цитата из 6-й главы 2-й грани Степенной книги царского родословия: «Во время христоролюбиваго князя Ярослава приидоша к нему от Царя-града богоподвизаемии, три певцы гречестии: от них же начат быти в российстей земли ангелоподобное пение, изрядное осмогласие но паче же и трисоставное, еже есть, троекратное сладкогласование, и самое прекрасное демественное пение» (I, 27:3:1)¹⁴.

Помимо приведенной выше цитаты, тема мистического единения горнего и дольного во время пения излагается в форме пространного повествования о явлении афонскому иноку Архангела Гавриила, перстом начертавшего на камне начало Богородичного гимна «Достойно есть» и повелевшего отныне так петь всем православным христианам (I, 93:2; III, 1:4), а также в легенде из жития Афанасия Афонского об иноке Матфее, удостоившемся видеть Пресвятую Богородицу, раздающую «дарования» в церкви и «на клиросах убо стоящим братьям и поющим даде по златице единой». Это видение преподобный Афанасий растолковал праведному иноку следующим образом: «С теплейшим бо молением и вниманием на пении стоявшим большее воздаяние дадеся» (III, 3:2; III, 11:4).

В патериковом рассказе об авве Силуане непосредственно дается скрытая цитата из трактата Дионисия Ареопагита «О небесной иерархии»: «...чин един непрестанно поют аллилуия, други чин – свят, свят, свят Господь Саваоф, други чин – благословена слава Господня от места и дома его» (III, 10:4)¹⁵.

Этот же мотив звучит и в иных цитатах, например, в толковании св. Силуяна на 75-е правило Трулльского собора, упомянувшего о том, что «в творцах Песней и гласов церковных Дух Святой сам действовавшие» (I, 27:3:5; III, 10:3) или в толковании Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея. Описывая повседневную жизнь монахов, которые утром, «встав с ложа, бодрые и веселые, они все вместе светлым лицом и совестью составляют один лик и как бы едиными устами поют гимны Богу всяческих, прославляя и благодаря его за все благодеяния, как частныя, так и общия», отец Церкви обращается к своим слушателям с риторическим вопросом: «чем отличается от ангелов этот лик поющих и восклицających на земле: слава в Вышних Богу, и на земле мир, в человецех благоволение?» (III, 3:4).

В парадигме мистического богословия Ареопагитик составителем «Изумруда III» выстраивается странническое учение об истории литургического пения. В полном соответствии с общехристианской историософией ключевым моментом здесь является акт Боговоплощения. Не случайно первым тезисом в главе «О пении» «Изумруда III» является слово Иисуса Христа, произнесенное им после Тайной вечери: «Глаголю же вам, яко не имате пити отъныне от сего плода лознаго, до дне того, егда и пию с вами ново во Царствии Отца моего». И воспевше, изыдоша в гору елеонску» (Мф, зач. 108; III, 1:1), – в сопровождении толкования Феофилакта, архиепископа Болгарского, призывающего: «...да научимся убо, яко и нам подобает тако творити» (III, 1:1).

Факт предания божественного пения от Христа через апостолов христианской общине иллюстрируется развернутым повествованием из чтения на Успение Пресвятой Богородицы,

¹⁴ Здесь и далее ссылки на текст «Изумрудов» оформляются следующим образом: римскими цифрами I и III обозначены соответственно Первый и Третий тома сборника, далее через двоеточие для 27-й главы «Изумруда I» указаны ее номер, номера статьи и стиха; для главы 93, имеющей деление только на стихи и иногда на числа, указаны ее номер и номер стиха; для «Изумруда III», имеющего только одну пронумерованную главу, указываются номера статей и стихов. Для цитат из рукописного сборника (Сб. 13/86) приняты аналогичные указания. Листы источников не указываются, т.к., во-первых, это приводит к слишком громоздкой форме ссылок, во-вторых, не позволяет сделать их единообразными ввиду отсутствия нумерации листов в электронном издании «Изумруда III». В случаях, когда одна и та же цитата приводится в разных главах или сборниках, указываются все источники.

¹⁵ Ср.: «Потому богословие и преподавало живущим на земле его (первого порядка) гимны, в которых священно открывается превосходство его высочайшего озарения. Ибо одни из этого чина, скажу, используя чувственный образ, “как шум вод” (Ср. Иез. 1, 24; Откр. 19, 6) восклицают: “Благословенна слава Господа от места своего!” (Иез. 3, 12) – а другие это многопетое святейшее богословие выкликают: “Свят, свят, свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его!” (Ис. 6,3)». См.: *Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии...* С. 75.

когда апостолы Петр, Павел, Иаков брат Господень, Иоанн Богослов «и с прочими начальнейшими святыми апостолы», «подъяша на рамена одр», несли «благоприятное тело Пречистыя Девы с славным провождением, от Сиона чрез Иеросалим град, к веси Гефсиманстей». «Прочее же все святых собрание, и народное множество, со свещами и кадили окрест градаху (так!), предъидуще и последствующе, и пояшесе исходное пение. Петр святыи начинаше, прочии же по нем пояху согласно, петъ же бе псалом Давыдов: во исходе Израилеве от Египта: и к коемуждо стиху прилагашесе аллилуия. Такожде и инья торжественныя и благодарственныя псалмы, и песни пояхуса, якоже Дух Святыи в поющих устах действоваше» (III, 1:5).

Важно подчеркнуть, что в данном эпизоде вновь проводится идея о нерасторжимом единстве духовного действия чинов небесной и земной иерархии, когда «над одром и над провождающими» сотворился круг облачный, «венцу подобный, превеликий и пресветлый, необычайным сиянием озаренный», и слышалось на облаке ангельское пение, и двигался тот «облачный с ангельским пением венцеобразный круг по воздуху, над проводимым Богоматери телом даже до гроба» (III, 1:5).

Апостолы узаконили в христианской Церкви божественное пение. В связи с этим тезисом в «Изумрудах» неоднократно приводятся ссылки на послания апостола Павла «ефесеом» и «каласаем», в которых он призывает верных исполняться Духом, «глаголюще себе во псалмех и пениях и песнях духовных, воспевающе и поюще в сердцах ваших Господеви» (Еф. 5, 18–19) или (в другом послании) «учаще и вразумляюще себе самех во псалмех и пениях и песнях духовных, во благодати поюще в сердцах ваших Господеви» (Кол. 3:16) (напр., III, 1:7).

Собственно «земную» историю формирования богослужебно-певческой традиции христианской Церкви составитель «Изумруда III» находит в 16-й главе «Книги о вере» – первом в Московской Руси музыкально-историческом трактате, сведения из которого вошли затем во все более поздние историографии вопроса¹⁶. Автор этого текста – «иеромонах, проповедник Слова Божьего и корректор в типографии монастыря Печерского Киевского Тарасий Левкович Земка», ссылаясь на труды историка Никифора¹⁷, прежде всего, называет Египетскую Церковь, принявшую данную традицию непосредственно от апостолов. Здесь Никифор приводит ссылку на Филона¹⁸, сообщившего о том, что ранние христианские богословы (философы), «не токмо в божественном писании поучаются», но слагают новые «песни, стихи и славословия Божия» «всяким родом тяжчайших числ и мер» (в различных поэтических размерах). Вслед за ними «Божественный Игнатий»¹⁹, третий после апостола Петра Антиохийский иерарх, «со апостолы многое пожив время», имел видение ангелов, возносящих «святую Троицу песнями и хвалами» попеременно двумя ликами («на измену друг ко другу стихи отвещавающих»), и ввел в Антиохийской церкви обычай антифонного пения, который затем распространился повсеместно. Затем Ефрем Сирийский²⁰ создал для «сириян» стихи и мелодии с целью избавления их от учения еретика Гормония. Афанасий²¹ и Иоанн Златоуст также создавали песнопения в оппозицию «арианским» песням. После них прославились как творцы тропарей Тимокий и Анфим, Роман²², принявший в видении свиток от Богородицы и ставший выдающимся «кондакотворцем», Анфиноген²³, автор

¹⁶ Глава 16 «Книги о вере», как и остальные, является компиляцией. В «историческом» фрагменте автор данного сочинения приводит текст, заимствованный им из предисловия «Читателю благочестивому и благосрѣдому...» Тарасия Земки к изданию в 1631 г. в типографии Киево-Печерской лавры Цветной Троицы. См.: *Казанцева Т.Г.* Глава 16 «Книги о вере»: к вопросу об источниках // *Рукописи XVI–XXI вв.: исследования и публикации.* Новосибирск, 2013. С. 30–32.

¹⁷ Никифор Каллист Ксанфопул (XIV в.).

¹⁸ Филон Александрийский (последняя четверть I в. до н.э. – первая половина I в. н.э.).

¹⁹ Игнатий Богоносец (ум. 107/112 г.).

²⁰ Ефрем Сирийский (ок. 306 – ок. 373 гг.).

²¹ Афанасий Великий (ок. 295–373 гг.).

²² Роман Сладкопевец (V–VI вв.).

²³ Анфиноген Севастийский (ум. 311 г.).

песни Вечернего входа. На III Ефесском соборе²⁴ была узаконена песнь Богородице «Достоинно есть», на V соборе Иустиниан²⁵ создал гимн «Единородный Сыне». Патриарх Сергей²⁶ составил 24 гимна Богородице, названные акафистом. Софроний (патриарх) Иерусалимский²⁷ также был творцом «песней церковных». На VII соборе²⁸ Феодор Студит и его брат Иосиф епископ Фессалоникийский составили книгу Триодь, «вземше благовремение» (заимствовав поэтический размер и форму) «от великаго рифмотворца Козмы епископа Маиумскаго»²⁹ (III, 1:6).

Российский этап истории богослужебного пения начинается с прихода «во время христолюбиваго князя Ярослава» трех греческих певцов «от Царя-града», как об этом сообщает вышеупомянутая «Степенная книга» (I, 27:3:1). Далее из-за отсутствия цитат образуется огромная хронологическая лакуна, свидетельствующая о том, что это «греческое» пение, видимо, сохранялось в неизменности до времени раскола Русской Церкви. Его хранителями в послераскольный период остались соловецкие иноки, а затем основатели Выговского общежития.

Освещению этого вопроса посвящен комплекс цитат из «Истории Выговской пустыни» Ивана Филиппова, составивший отдельную восьмую статью главы «О пении» в «Изумруде III». В первом стихе приводятся пространные цитаты из этого сочинения, подтверждающие «проистекание» первого беспоповского старообрядческого общежития непосредственно от «Соловецкия обители». Так, по словам поморского историографа, место это было «благословением Соловецких отец вкорененное и священоигумена Досифеа благословением насажденное, к сим же и староскитскаго отца Корнилиа и прочих отец пустынных молитвами и благословением утверженое» (III, 8:1). Среди отцов-основателей называются несколько имен соловецких иноков: о. Игнатий, Геннадий, Иосиф. Здесь же упоминается священоиннок Пафнотий, который «поживе во общежитии лет седмь, всерадостно благословляше устав общежития и церковныя службы и, возвещая вся благочестивыя уставы же и обычаи Соловецкаго монастыря, и сладостно прилагаше сего общежития уставу» (III, 8:1).

Особая роль священоиннока Пафнотия в становлении устава и богослужебного пения в выговской обители подчеркивается приведением еще одной цитаты из того же сочинения: «И прииде к ним Соловецкой отец священоиннок Пафнотий, муж вельми духовен, много лет живый в Соловецкой обители и весь чин церковный и монастырский добре ведый, они же его с великою любовию прияша к себе. И начаша общее житие и церковную службу уставляти по чину и уставу. И поставиша Петра Прокопиева в чин еклисиаршеский и к нему пособников певцов и псаломщиков, и конархистов избраша» (III, 8:5).

По цитируемым фрагментам «Истории Выговской пустыни» можно судить о том, как было организовано здесь богослужебное пение. Ясно, что на церковной службе было разделение функций: певчие, псаломщики и канонархи. Петр Прокопьев выполнял функции еклисиарха – уставщика, наблюдателя за порядком богослужения по принятому в общежитии уставу. Пели молебны (III, 8:3), всю службу церковную на «летняя торжества», то есть на Господские и Богородичные праздники и на памяти «великих угодников Божиих» всего года, воскресные службы (III, 8:1), при этом, на великие праздники и под воскресенье служилось всенощное бдение (III, 8:5). После службы было чтение «словес Божиих и поучение в законе Вышняго и всекладчайшия беседы о спасении душевнем...» (III, 8:5). А во всю светлую седмицу «бысть у них по вся дни служба церковная с пением и после службы книжное чтение по вся дни и моление теплое к Богу» (III, 8:2). В обители также строго

²⁴ III Ефесский собор – 431 г.

²⁵ Иустиниан – византийский император (483–565 гг.).

²⁶ Патриарх Сергей (ум. 638 г.).

²⁷ Софроний – Иерусалимский патриарх (ок. 560–638 гг.).

²⁸ VII Вселенский собор – 787 г.

²⁹ Тарасий Земка опускает имена других многочисленных творцов канонов («но понеже о всех канонотворцех несть наше предложение изъясляти»), т.к. пишет предисловие только к книге Триодь («о творцех книги Триодной да глаголем»).

следили за чинностью пения. В частности, упоминается Дионисий – отец настоятеля Выговской пустыни Андрея, – который «аще кого видяше ... на пении своих или приходящих, лениво и небрежливо стоящих, или крестящихся, всем без боязни глаголаше, и поучаше и воспрещаше» (III, 8:4). «И бе в пустыни, аки на небеси глас празднующих и шум торжествующих, баше во всякой души светлая радость и красное веселие о неизреченной благодати Божией, ею же обновися человеческий род и от тли в нетление преведесе Господем нашим Иисус Христом» (III, 8:1), – вновь провозглашает поморский историограф идею ангелогласного пения.

Отдельный аспект рассматриваемого в данном блоке цитат вопроса об ангелогласном пении связан с возможностью его сохранения истинными христианами в «конце истории». В целом, для страннических учителей – хранителей изначальной поморской традиции, положительный ответ на этот вопрос являлся очевидным. Как известно, старопоморское старообрядчество не только сохранило, но и приумножило древнерусскую культуру богослужебного пения, создав целую школу писцов и редакторов певческих книг знаменной нотации³⁰. Эту культуру унаследовали все позднейшие от него ответвления.

Учитывая сказанное, наличие подборки цитат на данную тему в «Изумруде III» может быть объяснено только необходимостью поиска аргументов в возможных диспутах с представителями других согласий, имеющих иное мнение относительно богослужебного пения. Известно, что не для всех беспоповцев этот вопрос решался так же однозначно, как для странников, в силу изначального признания всеми представителями беспоповского направления концепции «духовного Антихриста» и пресечения в «последние времена» истинного священства и литургии. Так, еще в конце XVII в. среди беспоповщины возникло согласие спасовцев (нетовцев), которые считали, что в «антихристово время» невозможны не только Таинства, но и соборная молитва. Из более поздних сведений, относящихся к XIX в., известно о «глухой» нетовщине, полностью отказавшейся от пения на службе³¹. Также вполне возможно распространение сходного учения среди части представителей страннического согласия, которое примерно с 20-х гг. XIX в. перестает быть однородным.

Выдвинуть такое предположение позволяют два фрагмента, отсутствующие в «Изумрудах», но содержащиеся в составленном по их материалам рукописном Сборнике 13/86. Второй стих главы «О пении» в нем имеет заглавие, в котором формулируется позиция оппонентов: «Противники приводят свидетельство от преп. Ефрема Сирина, что при антихристе верные будут находиться в плаче, и говорят: при плаче может ли быть пение?» В самом стихе помещена цитата из Слова 105 «Об Антихристе» преподобного Ефрема Сирина, в котором описывается положение праведников в антихристовы времена. В этом Слове Ефрем Сирин пишет, в частности, о возможности спастись «в горах бо и холмах и в пустых местах», пребывая там в «молитвах и плачех безчисленных». «Святой же Бог, видя их тако в печали безчисленной, и в вере святей, помилует их яко Отец чадолюбив сердцем, идеже будут скрылися», – говорит далее преподобный (Сб. 13/86, 7:2).

Ответ («разрешение») на вопрос о том, как можно соединить «безчисленные» печаль и плач с просветленным пением, составитель сборника находит в главе 49³² «О смирении, яко небывающа смиренны некотораго ради лишения...» из Пандектов Никона Черногорца, содержащей толкования на Евангельские заповеди, избранные из творений святых отцов. В данном случае он выбирает толкование св. Васонуфия на евангельскую заповедь «Блажени плачущие». Отвечая на вопрос, «како мощно есть обеима в купе быти, плачу и светлости», преподобный Варсонуфий приводит следующий аргумент: «Плачь есть по Бозе печаль, юже раждает покаяние, покаяние же – познание, пост, молитву, пение, поучение божественных словес» (Сб. 13/86, 7:2:1).

³⁰ О поморской школе богослужебного пения и редакторской деятельности выговских наставников см.: Панченко Ф.В. Певческие книги старообрядческой поморской традиции (XVIII–XX вв.): учеб. пособ. СПб., 2017.

³¹ Агеева Е. А. Беспоповцы // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002. Т. IV. С. 713–714.

³² Составитель Сборника 13/86 ошибочно обозначил главу как 48.

Составитель «Изумруда III» находит в этом вопросе более весомый аргумент – вечность божественного пения. Трижды в разных статьях он приводит одну и ту же цитату из «Книги о вере», свидетельствующую о предании святыми отцами Вселенской Церкви пения «в вечные роды»: «Потщимся убо чисты явитися Сотворшему ны, яко да в добродетелех оскудевающе зде пребудем; но во тщании и попечении о спасении душ наших; ниже ослабевающе во утверждении православныя веры, ниже престающе в возсылания пений и песней духовных всегда Господеви, еже святии предреченнии отцы богодохновенне начерташа; и сия в соблюдение неразрушно вселенстей церкви в вечныя роды предаша» (III, 1:2; III, 6:4; III, 7:1).

По мысли составителя, пение не пресекалось во времена гонений первых веков христианства (III, 6:2; III, 6:3), не пресечется оно и в нынешнее гонительное время, поскольку, согласно «Книге о вере», «начаток Христовы Церкви с концем согласуется, ибо переее триста лет в неволе, тако и останок в томъ же скончается» (III, 6:3:1).

Преподобный Феодор Студит заповедал: «Бог дал нам величайший дар в этом гонении за него, как он Сам сказал в Евангелии: блажени изгнани правды ради: яко тех есть царствие небесное (Матф. V, 10)». Последующие же слова преподобного напрямую соотносятся со странническим вероучением о побеге: «Преследуемому, во-первых, не следует вести жизнь уединенную, но нужно жить вместе с другим братом. “Идеже бо еста два или трие собрани во имя мое; ту есмь посреде их” (Мф. 18, 20), – сказал Господь. Потом, ему не должно делать выходов, кроме необходимых, но следует пребывать в том месте, где он пользуется гостеприимством, и там заниматься молитвою, молением, чтением, псалмопением, рукоделием и другими добрыми ремеслами» (III, 6:1).

Подводя итог рассмотрению содержания глав «О пении», следует сказать, что, несмотря на отсутствие в «Изумрудах» собственно авторских сочинений, позиция страннических начетчиков по данному вопросу вполне очевидна. Она проявляется в избирательности цитат, логике их расположения в главах, в формулировках тезисов и заглавий статей. Данная позиция базируется на традиционной для православия теории ангелогласного пения – формы восхваления Господа, переданной христианам от высших чинов Небесной иерархии. Ангельское восхваление безначально и вечно, и это является залогом вечности человеческого «ангелоподобного» пения. Не случайно Седьмую статью главы «О пении» составитель «Изумруда III» озаглавил следующим образом: «Пение предано в вечныя роды, значит и во время антихриста будет» (III, 7).

При этом, страннический начетчик стремится вписать литургическую традицию своего согласия в общую непрерывающуюся линию истории христианского богослужебного пения, начало которому положено Христом и апостолами. Согласно формирующейся на основе цитат концепции, это пение окончательно сложилось в византийской Церкви, было привнесено на Русь через греческих певцов и передано через соловецких «остальцов» и насельников Выговской пустыни странникам – единственным хранителям его в первоизданном, неискаженном виде.

Литература

Агеева Е.А. Беспоповцы // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002. Т. IV. С. 713–714.

Белоненко А.С. К вопросу о типологии русской мысли XI – начала XV вв. о певческом искусстве // Музыкальная культура Средневековья. М., 1991. Вып. 2. С. 112–115.

Бычков В.В. Некоторые проблемы музыкальной эстетики в ранней патристике // Музыкальная культура Средневековья. М., 1991. Вып. 2. С. 110–112.

Бычков В.В. Русская средневековая эстетика. М.: Мысль, 1995. 638 с.

Владышевская Т.Ф. Богодохновенное, ангелогласное пение в системе средневековой музыкальной культуры (эволюция идеи) // Механизмы культуры. М.: Наука, 1990. С. 116–136.

Владышевская Т.Ф. Византийская музыкальная эстетика и ее влияние на певческую культуру Древней Руси // Византия и Русь (памяти Веры Дмитриевны Лихачевой, 1937–1981). М.: Наука, 1989. С. 145–159.

Владышевская Т.Ф. Музыкальная культура Древней Руси. М.: Знак, 2006. 472 с.

Казанцева Т.Г. Глава 16 «Книги о вере»: к вопросу об источниках // Рукописи XVI–XXI вв.: исследования и публикации. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. С. 23–44.

Казанцева Т.Г. Материалы к изучению музыкально-эстетических представлений староверов-странников // Исторический курьер. 2019. № 2 (4). Статья 9. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-2-09.pdf>

Лозовая И.Е. Церковно-певческое искусство // Художественно-эстетическая культура Древней Руси XI–XVII вв. / под ред. В.В. Бычкова. М.: Ладомир, 1996. С. 267–299.

Мальцев А.И. Проблемы изучения старообрядческих сборников постоянного состава «Изумруд» и «Свет» // Культурное наследие средневековой Руси в традициях урало-сибирского старообрядчества: мат-лы Всерос. науч. конф. Новосибирск, 1999. С. 160–167.

Мартынов В.И. Культура, иконосфера и богослужбное пение Московской Руси. М: Прогресс-Традиция; Русский путь, 2000. 224 с.

Мартынов В.И. О различении понятий богослужбного пения и музыки в Священном Писании // Методы изучения старинной музыки. М., 1992. С. 3–14.

Панченко Ф.В. Певческие книги старообрядческой поморской традиции (XVIII–XX вв.): учеб. пособ. СПб.: Скифия-принт, 2017. 195 с.

Серегина Н.С. Музыкальная эстетика Древней Руси (по памятникам философской мысли) // Вопросы теории и эстетики музыки. Л.: Музыка, 1974. Вып. 13. С. 58–78.

References

Ageeva, E.A. (2002). Bespopovtsy [Bespopovtsy]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, vol. IV, pp. 713–714.

Belonenko, A.S. (1991). K voprosu o tipologii russkoy mysli XI – nachala XV v. o pevcheskom iskusstve [On the Typology of Russian Thought in the 11th – Early 15th Centuries About Singing Art]. In *Muzykalnaia kultura Srednevekoviya*. Moscow. Iss. 2, pp. 112–115.

Bychkov, V.V. (1991). Nekotoryye problemy muzykalnoy estetiki v ranney patristike [Some Problems of Musical Aesthetics in Early Patristics]. In *Muzykalnaia kultura Srednevekoviya*. Moscow. Iss. 2, pp. 110–112.

Bychkov, V.V. (1995). *Russkaia srednevekovaia estetika* [Russian Medieval Aesthetics]. Moscow, Mysl. 638 p.

Kazantseva, T.G. (2013). Glava 16 “Knigi o vere”: k voprosu ob istochnike [Chapter 16 of “Books about Faith”: on the Issue of Sources]. In *Rukopisi XVI–XXI vv.: issledovaniia i publikatsii*. Novosibirsk, Izdatelstvo SO RAN, pp. 23–44.

Kazantseva, T.G. (2019). Materialy k izucheniyu muzykalno-esteticheskikh predstavleniy staroverov-strannikov [Materials for the Study of Musical and Aesthetic Ideas of Old Believers Stranniky (Wanderers)]. In *Istoricheskii Kurer*. No. 2 (4), article 9. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-2-09.pdf>.

Lozovaia, I.E. (1996). Tserkovno-pevcheskoye iskusstvo [Church-singing Art]. In *Bychkov, V.V. (Ed.) Khudozhestvenno-esteticheskaya kultura Drevney Rusi XI–XVII vv.* Moscow, pp. 267–299.

Maltsev, A.I. (1999). Problemy izucheniya staroobryadcheskikh sbornikov postoyannogo sostava “Изумруд” i “Свет” [The Problems of Studying Old Believers’ Collections of the Permanent Composition “Emerald” and “Light”]. In *Kulturnoe nasledie srednevekovoi Rusi v traditsiiakh uralo-sibirskogo staroobryadchestva: materialy Vseros. nauch. konf.* Novosibirsk, pp. 160–167.

Martynov, V.I. (1992). O razlichenii ponyatiy bogoslužhebnogo peniya i muzyki v Svyashchennom Pisanii [On the Distinction Between the Concepts of Liturgical Singing and Music in Holy Scripture]. In *Metody izucheniia starinnoi muzyki*. Moscow, pp. 3–14.

Martynov, V.I. (2000). *Kultura, ikonosfera i bogoslužhebnoye penie Moskovskoy Rusi* [Culture, Iconosphere and Liturgical Singing of Moscow Russia]. Moscow, Progress-Traditsiya; Russkiy put. 224 p.

Panchenko, F.V. (2017). *Pevcheskie knigi staroobriadcheskoy pomorskoj traditsii (XVIII–XX vv.)* [Singing Books of the Old Believer Pomeranian Tradition (13th–20th Centuries)]. St. Petersburg, Skifiya-print. 195 p.

Seregina, N.S. (1974). *Muzykalnaya estetika Drevney Rusi (po pamyatnikam filosofskoy mysli)* [Musical Aesthetics of Ancient Russia (According to the Monuments of Philosophical Thought)]. In *Voprosy teorii i estetiki muzyki*. Leningrad. Iss. 13, pp. 58–78.

Vladyshevskaja, T.F. (1989). *Vizantijskaja muzykalnaya estetika i yeye vliyanie na pevcheskuyu kulturu Drevney Rusi* [Byzantine Musical Aesthetics and its Influence on the Singing Culture of Ancient Russia]. In *Vizantiia i Rus (pamiati Very Dmitrievny Likhachevoi, 1937–1981)*. Moscow, Nauka, pp. 145–159.

Vladyshevskaja, T.F. (1990). *Bogodukhnovennoye, angeloglasnoye peniye v sisteme sredn-evekovoy muzykalnoj kultury (evolyutsiya idei)* [Inspired, Angelic Singing in the System of Medieval Musical Culture (Evolution of Idea)]. In *Mekhanizmy kultury*. Moscow, Nauka, pp. 116–136.

Vladyshevskaja, T.F. (2006). *Muzykalnaja kultura Drevnei Rusi* [The Musical Culture of Ancient Russia]. Moscow, Znak, 472 p.

Статья поступила в редакцию 04.02.2020 г.